

УДК82-1/-9

ЖАНРОВАЯ КНИГА СТИХОВ В ТВОРЧЕСТВЕ С. ЗАВЬЯЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ОДЫ И ЭПОДЫ»)

Гудкова С. П.

*доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной
литературы*

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева»*

г. Саранск

sveta_gud@mail.ru

Каримова С. М.

студент филологического факультета

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева»*

г. Саранск

samiro4kakarimova@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются художественные особенности жанровой книги стихов в современной отечественной поэзии. На примере анализа поэтического сборника С. Завьялова «Оды и эподы» (1994) обозначаются основные тенденции развития жанровой книги как крупной поэтической формы. В ходе исследования обращается внимание на особенности авторских стратегий при создании жанровой книги, демонстрирующей авторское мировидение как целостную художественную систему. Авторы статьи приходят к выводу о том, что современная жанровая система тяготеет к размыванию канона, гибкости и неоднородности ее форм. Синтезируя жанровые черты оды, трагедии, драмы, С. Завьялов усиливает трагическое звучание основной поэтической идеи книги – боль за судьбу малых*

финно-угорских народностей, потерю национальной идентичности. В статье доказывается, что сюжетообразующими мотивами книги стихов «Оды и эподы» выступают мотивы смерти и разрушения, что подчеркивается ее сложной архитектурой и жанровой реинкарнацией. Через визуальный распад текста («текст-руина»), смысловые пустоты, грамматические и синтаксические нарушения, древнюю архаику (античные, библейские, финно-угорские сюжеты и образы) поэт подчеркивает масштабы «национальной катастрофы».

Ключевые слова: С. Завьялов, жанровая книга стихов, «текст-руина», жанровый синтез, античные и библейские образы, финно-угорский контекст.

A GENRE BOOK OF POETRY IN THE WORKS OF S. ZAVYALOV (BASED ON THE COLLECTION "ODES AND EPODES")

Gudkova S. P.

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature

Ogarev National Research Mordovian State University

Saransk

sveta_gud@mail.ru

Karimova S. M.

student of the Faculty of Philology

Ogarev National Research Mordovian State University

Saransk

samiro4kakarimova@yandex.ru

Annotation: *The article examines the artistic features of the genre book of poetry in modern Russian poetry. Using the example of the analysis of S. Zavyalov's poetry collection "Odes and Epodes" (1994), the main trends in the development of the genre book as a major poetic form are outlined. In the course of the research, attention is drawn to the peculiarities of author's strategies when creating a genre book that demonstrates the author's worldview as an integral artistic system. The authors of the*

article come to the conclusion that the modern genre system tends to blur the canon, flexibility and heterogeneity of its forms. Synthesizing the genre features of odes, tragedies, and dramas, S. Zavyalov enhances the tragic sound of the main poetic idea of the book – the pain for the fate of the small Finno-Ugric peoples, the loss of national identity. The article proves that the plot-forming motifs of the book of poetry "Odes and Epodes" are the motifs of death and destruction, which is emphasized by its complex architectonics and genre reincarnation. Through the visual disintegration of the text ("text-ruin"), semantic voids, grammatical and syntactic violations, ancient archaism (ancient, biblical, Finno-Ugric plots and images), the poet emphasizes the scale of the "national catastrophe".

Keywords: S. Zavyalov, genre book of poetry, "text-ruin", genre synthesis, ancient and biblical images, Finno-Ugric context.

Введение

Отличительной чертой современной отечественной поэзии является многоликость творческого процесса, его жанровое и тематическое многообразие. Политические и социокультурные изменения эпохи рубежа XX–XXI вв. привели к значительным трансформациям ее жанровой системы. Наряду с малыми жанровыми формами лирики активное развитие получили жанры поэмы, лирического цикла, стихотворной повести, книги стихов. Так называемые крупные поэтические формы, отличающиеся масштабностью охвата событий, многогеройностью, позволили представить авторское мировидение как целостную художественную систему, отразить многоликость и неоднородность современного мира. Значительное внимание поэты стали уделять книге стихов как особой жанровой форме, где важную роль играют композиционные принципы. Данную форму отличают: продуманная архитектоника, наличие лирического сюжета, сквозных мотивов и образов. Внутренние сцепления лирических текстов на пространстве книги стихов усиливают ее идейно-смысловое звучание, о чем в свое время говорил В. Брюсов. Поэт, тяготеющий к созданию книги стихов как целостной системы, подчеркивал: «Книга стихов

должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает своё содержание последовательно от первой страницы к последней» (Брюсов, 1973, с. 604).

В современной отечественной поэзии выделяются такие жанрово-видовые формы книги стихов, как *тематическая* («Не отрекись» (1996), «Моя Россия» А. Вознесенского, «Любимая, спи» (1989), «Я прорвусь в XXI век...» (2001) Е. Евтушенко, «Пробегающий пейзаж» (1997) О. Чухонцева, «Послесловие» Л. Лосева (1998), «Без тебя» (2003) И. Лиснянской, «Нам краю века» (1996) О. Хлебникова, «Мудрая дура» (2008) В. Павловой и мн. др.), *итоговая* («Друзей моих прекрасные черты» (2000) Б. Ахмадулиной, «После нашей эры» (2004) Е. Рейна, «Инстинкт сохранения» (2008) О. Хлебникова, «И звук и отзвук: из разных книг» (2019) О. Чухонцева и др.), *жанровая* («Римские элегии» (1982) И. Бродского, «Сонеты на рубашках» (1989) Г. Сапгира, «Избранные послания» (1998), «Три поэмы» (2008) Т. Кибирова, «Холодные оды» (1996) М. Амелина, «Оды и эподы» (1994) С. Завьялова и др.).

Постановка проблемы

Жанровый облик книги стихов как особой поэтической формы начинает складываться во второй половине XIX века в творчестве Е.А. Баратынского, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, Я.П. Полонского и др. Наряду с тематическими книгами стихов активное развитие получают «итоговые», где авторы демонстрируют главные смысловые коды своего творчества, подводят итог определенному жизненному периоду («Последние песни» Н.А. Некрасова, «Вечерние огни» А.А. Фета, «Песни старости» А.М. Жемчужникова и др.). Жанровая трансформация, наметившаяся в эпоху романтизма, существенным образом отразилась и на поэзии, что привело к постепенному отказу авторов выстраивать свои поэтические сборники по жанровому принципу. Современный литературный процесс, ориентированный на жанровые трансформации, художественные эксперименты, литературный диалог с традицией, напротив, актуализирует интерес к жанровой книге стихов. Изучение ее поэтологических особенностей в

творческой практике конкретного автора, в частности С. Завьялова, с одной стороны, – позволяет увидеть особенности его творческого метода, а с другой – дает возможность определить основные тенденции развития жанровой системы современной отечественной поэзии в целом.

Вопросы исследования

В связи с тем, что интерес в отечественном литературоведении к книге стихов как новому «сверхжанровому» образованию возникает только в конце XX столетия, существует много дискуссионных проблем, связанных с вопросами генезиса, этапов развития, жанрового своеобразия данной поэтической формы, а также особенностей ее реализации в творческой практике отдельного автора (Верина, 2016; Гудкова, Хозяйкина, 2024; Дарвин, 2003; Фоменко, 2003 и др.). Если проблемы функционирования «итоговой», тематической книг стихов так или иначе были осмыслены в науке о литературе (Гудкова, Хозяйкина, 2024; Мирошникова, 200; Хозяйкина, 2022 и др.), то жанровая книга стихов нуждается в многомерном изучении. В частности, на ее примере можно достаточно ярко проследить судьбу того или иного жанра. Более того, обращение к творчеству одного из ярких поэтов постмодернизма, С. Завьялову, позволит наметить вектор развития жанровой системы отечественной поэзии на рубеже XX–XXI столетий.

Результаты исследования

Одним из наиболее ярких поэтов, обратившихся к жанровой книге стихов, является Сергей Завьялов. В контексте нашей темы наиболее репрезентативной является его раннее издание «Оды и эподы» (1994), куда вошли стихотворения 1980-х – начала 1990-х гг.

Будучи профессиональным филологом-классиком «петербургской школы», С. Завьялов в своем творчестве отходит от традиционного лиризма и идет по пути организации нового, «руинированного» текста, часто обращенного к античному или финно-угорскому миру. Происходит это по нескольким причинам: с одной стороны, видимая поэтом исчерпанность классических стихотворных средств заставляет его обратиться к деструктивному методу, с другой стороны, поэтическая форма у Завьялова являет собой не просто

экспериментальный метод, но и дает своего рода объяснение замыслу лирического произведения. Так, «атрофированный» стих становится основным инструментом поэта-постмодерниста для передачи ключевых утверждений и тем: «Поэтика Завьялова – это поэтика текста-руины, в которой произведение утверждается в момент собственного распада, на вершине крушения. Не целое как таковое, а его обнаженная конструкция составляет здесь нерв предполагаемого воздействия» (Скидан, 2003)

Следует признать, что формальная и содержательные стороны в поэзии современного автора тесно взаимосвязаны. Доминирование античной и финно-угорской тематики весьма оправданны в его творчестве. Первая – это то, что является профессиональной деятельностью: С. Завьялов преподавал древнегреческий и латинский языки, а также античную литературу в российских и зарубежных вузах. С финно-угорской темой поэт связан своими генетическими корнями: его родители эрзяне, выходцы из Мордовии. На протяжении всего творческого пути он размышляет о трагической судьбе малых финно-угорских народностей, потере национальной идентичности, разрыве связей с родным языком. Для решения поставленной проблемы он обращается к осмыслению античной культуры, также утратившей свое значение в современном мире. Подобно тому, как утрачивается визуальная четкость архивной рукописи древнего античного текста, так распадаются и языковые, и культурные корни малых народностей. Именно поэтому формальная сторона – «текст-руина» – становится одним из способов раскрытия основной поэтической идеи завьяловских текстов.

Отметим также, что характерной чертой построения художественного мира книг С. Завьялова служит строгая циклизация. Такой принцип мы наблюдаем и в книге «Оды и эподы», которая состоит из семи разделов. Центральной темой книги, как мы уже отмечали, является судьба малых народностей. Отсюда основная тональность сборника – трагическая. Усиление звучания основного пафоса происходит и за счет заголовочного комплекса. Жанровый маркер, вынесенный в заглавии, актуализирует одновременную торжественность и

трагедийность текстов. Синтезируя жанровые черты оды, трагедии, драмы, поэт подчеркивает трагические размышления об утраченных культурных ценностях. Этой же цели служит и очевидная реинкарнация канонического жанра оды.

В первом цикле «ВСЕ ОПРЕДЕЛЕННЕЕ», намечающим начало поэтического размышления, мы наблюдаем драматическую точку, от которой отталкивается все последующее звучание книги. Завьяловский лирический герой будто находится в постоянном блуждающем поиске: не только смысла «вечных», неразрешимых вопросов, но и в поиске себя, собственного «я»:

*Послушай говорю я себе переживи темноту
этих трех суток
ты ведь так любишь со свечкой в руке*

Из-за дверей крестный ход Смертию смерть

все определеннее (Завьялов, 1994).

Так уже в завязке поэтического сюжета возникает образ смерти, который становится смыслообразующим образом всей книги. Внутренней авторской рефлексии подвергается все, что окружает поэта, каждая частица мира, каждое его проявление. Чаще всего осмысление это глубоко мрачное, безнадежное. Используя в своих произведениях многочисленные реминисценции и ведя диалог с поэтами-предшественниками, автор пытается дать оценку и собственным текстам:

*Ночь ледяная рябь канала к чему аптека?
сочетанье согласных «покой" и "твердо»?
не сочленю сочленю только небо непогасшее
с финляндским ветром*

*Психея моя Дафна моя
Козлоноги ритмы мои
хмарь хмар застигает их*

*они не деликатны и не крепки
в них беда в них
затемненье (Завьялов, 1994).*

Античные образы и сюжеты наряду с библейскими выступают в поэтике С. Завьялова одними из центральных художественных символов. Такой прием обращения к архаике еще раз подчеркивает ведущую задачу автора книги – обратить внимание читателя на разрыв, разрушение традиций, их постепенное угасание и умирание в мире современном, который утратил связь со своими национальными корнями. Состояние отчаяния, страха и тоски в первом цикле усиливается любовным мотивом. Однако и любовь передается как потерянная, ускользающая, трагичная, что подчеркивается и отсылкой к набоковской Лолите.

*Il neige, le decor s'ecroule...**

Набоков

*Девочка сна моего
неуклюжий прекрасный ребенок
предвижу пробужденье твое
в уделе вечном твоём*

*Спи не просыпайся пока
еще рано нежен рассвет
но там где наметилось чуть очертанье груди
уже полон страха и власти
трагический танец теней*

*Идет снег, декорация рушится... (Завьялов, 1994).

Для лирического героя любовь неосвязаема, абстрактна, как и сам предмет этой любви. И всё же лирическое «я» автора пытается понять это чувство, даже «предвидит» пробуждение той, кто дорог сердцу. Однако краски светлые сменяются темными, и в последних строках мы видим уже драматичную сторону душевного состояния лирического субъекта: «...уже полон страха и власти / трагический танец теней» (Завьялов, 1994).

Однако даже в трагичности и безнадежности любых чувств кроется собственная, воспетая поэтом красота. Только красота эта не привычная, не обыденная, а, по выражению самого Завьялова, «задыхающаяся, униженная, оскорбленная» (Цит. по: Ниязов, 2023). Заметим, что в завьяловских текстах, несмотря на их «руинизированность», визуальный распад, не происходит так называемой «смерти» автора, что характерно для многих текстов поэтов-постмодернистов. Более того, мы можем наблюдать слитность образа лирического субъекта и самого автора.

Трагедия любви постепенно переходит в трагедию мира современного, его все большую отчужденность от истоков, истории, национального начала. Данные мотивы усиливаются в циклах «ТА IDIWТИКА» (1985), «СТИХИ К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ». Тревога за потерю связей с историей, со своей «прародиной общей» звучит и в последующих стихотворениях, где развивается тема родного языка. И здесь язык становится не чем-то «аморфным», он поставлен в смысловой центр и занимает равноправную позицию с лирическим героем, будто сливаясь с ним в единый образ:

*На своем языке говорить
в неокрепшем бессилии звука где так вмятен и резок
синтаксиса колченогий аллюр
ведь не уйти ты не волен
в самослуженье
в осязанье сцеплений своих
снизив голос до шепота пульса в венозной крови
познавшей
излучины тела (Завьялов, 1994).*

Обращение к языку на «ты» позволяет проследить ту близость, которой пытается достичь лирическое «я» поэта, чтобы еще раз акцентировать внимание на остром переживании национальной трагедии, сопричастности к ней. Финальная метафора, передающая всю безысходность современного положения языка, перерастает в метафору «телесную». Народный голос угасает,

перерождается в «шепот пульса в венозной крови», он будто растворяется в самом человеке, полностью пропадает и не оставляет даже следов своего существования.

Драматический пафос усиливается от цикла к циклу, что подчеркивается отдельными деталями: серыми картинами осени, подростков с «руками рабочих», вспухших век, холодным ветром и т.д. (КНИГА РАЗРУШЕНИЙ (1985-1986)). Тема одиночества, разрыва связей с малой родиной становится связанной с мотивом дороги. Утрата кровного родства, как и утрата культурных ценностей приводит к потере дороги к дому, родному очагу:

*Найди свою отчизну
прислушивайся к ощущениям своей артикуляции
вглядывайся в оборотня зеркального
наречие нащупай на котором
с самим собой ты вступишь в диалог*

*Проверь на прочность камни на дороге
ведущей к дому (Завьялов, 1994).*

Ведя внутренний монолог с самим собой, лирический субъект пытается найти путь, который ведет к тому, что для него близко. Образ дома осмысливается широко: это не просто место, но ещё и родное «наречие», земля, сам народ. Однако «наречие», которое он пытается «нащупать», позволяет вступить в диалог только «с самим собой», камни на дороге приходится проверять «на прочность». Непрозрачный на первый взгляд ход построения мыслей поэта становится понятным в общем контексте книги, что позволяет проследить усиливающуюся тему национальной «катастрофы». При этом значительную роль также играют жанровые доминанты. Поэт неслучайно в заголовочном комплексе книги использует отсылку к эподе. Литературоведческие словари дают такую трактовку термину: это одна из строф античной оды, «третья, заключительная часть трёхчастной суперстрофы (после строфы и антистрофы) в античной хоровой лирике (в т. ч. В оде)» (Журбина, 2004–2017). Как и античные поэты в

раскрытии смысла своих трагедий и душевных переживаний героев обращались к роли хора и связывали его с общенародным характером, так и современный автор усиливает идейно-смысловую составляющую своей книги, выводя поставленную проблему в широкий социокультурный контекст.

Этой же цели служит и переосмысление многих образов и сюжетов древнегреческой мифологии. При этом поэт обращает внимание на то, что античный мир, пространство «высокой» мысли и культуры, само оказывается раздробленным, непонятным, дисгармоничным и «руинизированным», как и сам стих С. Завьялова. Совершенно справедливо И. Кукулин отмечал: «Это античность (или вообще память о целостном мифологическом космосе)—раздробленная и принципиально не спасающая. И в этом смысле раздробленная архаика становится языком самообъяснения современной души» (Кукулин, 2001).

Следует отметить, что в «античных текстах» также часто звучит тема смерти как еще одна разрушающая и уничтожающая сила. Так, например, взятый из оды Горация образ Лигурина, прекрасного юноши, соединяется с мерзким червем, выползающим из могилы и предвещающим гибель:

Me nec femina nec puer
jam nec spes animi credulamutui*

Horatius. Carm. IV. I 29-30

<i>Отрок мой нежный</i>	<i>римлянин мой</i>	
<i>до глотка виноградной улады</i>		<i>есть еще время</i>
<i>объясни мне</i>	<i>эту майскую тяжесть</i>	
<i>и вороньё</i>	<i>заглушающее любые птичьи</i>	
	<i>напевы</i>	<i>на кладбище</i>
	<i>начинающем зеленеть</i>	
<i>Видишь?</i>		
<i>этот червь</i>	<i>выползающий</i>	<i>из свежей могилы</i>

так сально лилов

Отвернемся мой мальчик мой Лигурин

так шелковы кудри твои

О как я рад своей бескорыстности

как благодарен плоти своей

за к тебе равнодушье

**И уже ни женщины, ни мальчика
и никакой легковерной надежды (Завьялов, 1994).*

В данном случае рамочная композиция, эпиграф, задает не только все последующее звучание текста, но и создает «пространство внесловесного смысла» (Кукулин, 2001). Эпиграф становится предвестником событий и идей, выведенных в самом произведении: все исчезает, рушится, растворяется, не остается ничего – «...ни женщины, ни мальчика и никакой легковерной надежды» (Завьялов, 1994).

Не менее значительным и сложным по структуре представляется и цикл «МОНОЛОГИ И КАДЕНЦИИ» (1986), где автором использованы различные формы стихосложения, выраженные в основном в монологах лирического героя: рубаи, касыда, каденции. Поэт обращается к библейским и восточным образам и сюжетам, вновь переосмысливает их и продолжает единую тематическую и идейную линию «крушения». Так, история об изгнании Агари из дома Авраама становится символом нелегкого пути к заветному счастью и любви:

Агарь

я врос в тебя

в эти морщинки между бровей

в эти детские плечи

Ветер

передувает песок

глаз уголки кровоточат (Завьялов, 1994).

Кульминационным центром книги С. Завьялова становится цикл «ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ДОМУ» (1987), где финно-угорский контекст достигает апофеозного значения. Использование поэтом образов из финно-угорских легенд и мифов, упоминание мордовских топонимов, великого скульптора С. Д. Эрзи во многом обогащает сюжетобразующую сторону всех поэтических текстов и позволяет почувствовать глубинные национальные связи самого автора с мордовским народом. Так возникает образа Саранска – столицы Мордовии, где картины природы серы и лишь изредка виднеется «чистое небо», «крест над невзорванной церковью», мордовская речь доносится лишь мозаичными обрывками. Все эти детали усиливают драматизм общей картины города, делают его отчужденным, уродливым, потерявшимся в общем хаосе разрушений:

*Второй уже день ветер приносит дождь
от одной из русских границ*

*Второй уже день переезжая взбухший Инсар
я вижу мутную воду*

*и только изредка чистое небо
и только изредка крест над невзорванной церковью
и лоскуты речи мордовской
на вокзале на остановках троллейбуса
у опустошенных витрин*

*их вкрапленье случайно
и еще случайнее ты в уродливом городе
на дне этом жестком*

нашей прародины общей (Завьялов, 1994).

Лирический субъект становится таким же «случайным» гостем города, как и национальный язык, от которого остаются лишь «фонетические обрывки». На глазах рушатся истоки, история мордовского народа, что не может не волновать

автора. Именно поэтому он вспоминает и героев мордовского национального эпоса. Так, поэтом осмысливается роль последнего мордовского князя из национального эпоса – Тюшти, который спас свой народ. По одной из легенд он раздвинул воды Равы (Волги) и увел всех эрзян в теплые края:

*Но мы, те из эрзи, что выжили
никогда не расскажем нашим детям правды
да, мы из мокши, что уцелели,
дома о том, как было, промолчим*

Пусть не радуются русские:

*панк Тюштян с лучшими из эрзи
пробился на Теплое море*

пусть не кичатся татары:

*Тюштян-владыка самых храбрых из мокши
на Теплое море увел. (Завьялов, 1994).*

Автор подчеркивает героическое значение образа Тюшти и силу духа предков, ушедших со своих исконных земель под натиском врагов, но в то же время обращает внимание и на неумение потомков сохранить национальные истоки и устои. Он актуализирует их безразличие к прошлому, истории.

В двух последних циклах, «ПЕЛЕНА» (1988–1989) и «ЗВЁЗДЫ УЖЕ ДАЛЕКО ПРОДВИНУЛИСЬ» (1989–1994) финно-угорский контекст ослаблен, но не утрачен полностью. Здесь прослеживается все тот же драматический мотив, тема крушения и увядания. Одним из центральных текстов последней части книги становится «САРАНСК – ЧЕТВЁРТЫЙ РИМ» (ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ДИСТИХИ), где поэтическая мысль достигает своей поэтической развязки. В данном случае переосмыслению подвергается идея о Третьем Риме, и в то же время утверждается идея героизации финно-угорского мира. Разрушенный одический жанр только к финалу усиливает свою значимую черту, становится своеобразной торжественной песнью, прославляющей столицу мордовского народа. Эпиграф подчеркивает и усиливает звучание данной мысли. Опираясь на

поэтическое наследие польского автора XX века К.И. Галчинского («Песнь о солдатах с Вестерплатте»), С. Завьялов конструирует собственное видение роли и значения Саранска, как центра эрзянской цивилизации. Малые народности каждодневно идут на подвиг, отстаивая собственную идентичность, как когда-то героически шли на подвиг солдаты во время Второй мировой войны. Сложный структурный и содержательный план произведения проецируется не только на отдельный цикл, но и на всю книгу в целом, что ощутимо сказывается на ее архитектонике.

Заключение

Таким образом, жанровая книга стихов С. Завьялова «Оды и эподы» представляет собой сложное композиционное целое, где ведущей авторской стратегией становится реинкарнация жанра. С одной стороны, поэт нарочито актуализирует жанр оды, маркируя его в заголовочном комплексе, с другой – он разрушает все его характерные канонические черты. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о жанровом синтезе оды, трагедии, драмы, что усиливает драматическое звучание основной поэтической идеи книги – утраты национальной идентичности финно-угорских народностей, разрушение связей с национальной культурой, мифологией, языком. Формальная сторона книги: обращение к «тексту-руине», нарушение грамматических и синтаксических связей на визуальном и семантическом уровнях создает ощущение распада связей с национальными корнями, подобно тому, как на глазах читателя распадается каноническая форма классического жанра. Ставя перед собой масштабную задачу – через призму «рунизированного» стиха передать «катастрофу» национальную – поэт успешно реализует ее, выводя перед читателем весь трагизм современного мира и человека, утратившего связь с историческим прошлым.

Литература

1. Брюсов, В.Я. (1973) Собрание сочинений: В 7 т. М.: Художественная литература, 1973, Т.1, 435 с.

2. Верина, У.Ю. (2016) Книга стихов в русской поэзии XX в.: многообразии жанрово-композиционных форм. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика*, 2016, №3. Получено с <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-stihov-v-russkoy-poezii-hh-v-mnogoobrazie-zhanrovo-kompozitsionnyh-form>
3. Гудкова, С.П., Хозяйкина А.В. (2024) Проблемно-тематическое своеобразие «итоговой» книги стихов А. Вознесенского «Тьма» (2008). *Вестник угроведения*, 2024, №1, Т.17, 1–5.
4. Дарвин, М.Н. (2003) Художественная циклизация лирики. *Теория литературы: в 4-х т. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*. М.: ИМЛИ РАН, 2003, 467–493.
5. Журбина, А.В. (2004–2017) Эпод. *Большая российская энциклопедия*, 2004 – 2017. Получено с <https://old.bigenc.ru/literature/text/4937122>
6. Завьялов, С. (1994) Оды и эподы СПб.: Борей-Art, 1994. Получено с <https://www.vavilon.ru/texts/zavyalov1.html>
7. Кукулин, И. (2001) Как использовать шаровую молнию в психоанализе. *Новое литературное обозрение*, 2001, №52, 217–229.
8. Мирошникова, О.В. Итоговая книга стихов в последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004, 339 с.
9. Ниязов, Р. (2023) «Поэзия – она как время: в сущности, её начало – это начало Всего; и её концом станет конец Всего». Интервью с поэтом Сергеем Завьяловым. *НОЖ*. Получено с <https://knife.media/zavialov/>
10. Скидан, А. (2003) Обратная перспектива. *Мелика*. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Получено с <https://www.vavilon.ru/texts/skidan9.html>
11. Фоменко, И.В. (2003) Книга стихов: миф или реальность? *Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: Материалы Международной научной конференции*. М.: РГГУ, 2003, 64–74.

12. Хозяйкина, А.В. (2022) «Итоговая» книга стихов как крупная жанровая форма в восприятии современного отечественного литературоведения. *Филологически науки. Вопросы теории и практики*, 2022, Т. 15, Вып. 8, 2419–2424.